

дарственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-mobilnost-i-vnutrilichnostnye-konflikty-v-sfere-upravleniya>. – Дата доступа: 20.02.2017.

6. *Аракелова, Т. Л.* Взаимное обучение как условие развития когнитивной мобильности у будущих учителей: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Т. Л. Аркелова; ГУО ВПО «Уральский гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

7. Применение профессионального стандарта, разработанного на основе компетентностного подхода, в целях оценки и развития кадров в сфере управления: информ.-метод. бюллетень; редкол.: М. Г. Жилинский [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – Вып. 2. – 94 с.

(Дата подачи: 20.02.2017 г.)

Е. И. Медведская

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест

A. I. Miadzvedskaya

Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest

УДК 159.95

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ КУЛЬТУР

EMPIRICAL TYPOLOGY OF REPRESENTATIVES OF INFORMATION CULTURE

В статье обсуждается проблема выбора взрослыми источников информации в условиях разнообразия ее носителей. В этом выборе проявляется самостоятельная активность субъекта, обращающегося к определенной знаковой системе (печатное слово / медиаобраз) и предписываемому этой системой способу действий (чтение / просмотр). В результате эмпирического изучения указанного выбора выявлено три типа, представляющих различные информационные культуры: носитель культуры слова (человек читающий), носитель культуры образа (человек просматривающий) и смешанный тип. Установлено, что среди взрослых людей, имеющих высшее образование и занятых в сфере интеллектуального труда, только десятую часть можно отнести к типу «человек читающий».

Ключевые слова: информационная культура; медиакультура; знаковая система; слово; медиаобраз; чтение; просмотр.

The problem of information sources selection in conditions of diversity of its carriers by adults is discussed in the article. Self-activity of subject which turns to specific sign system (printed word / media image) and mode of action (read / view) prescribed by this system appears in this selection. Three types of representatives of different information culture are identified as a result of empirical study: a word culture medium (reading man), an image culture medium (browsing man) and a mixed type. It was found that among adults who received higher education and work in the sphere of intellectual labor, only a tenth part can be referred to "reading man" type.

Key words: information culture; media culture; sign system; word; media image; reading; browsing.

Современный этап развития цивилизации уже несколько десятилетий обозначается как информационное общество. Информация выступает как стратегический ресурс государства, эффективное средство управления обществом и личностью, инструмент экономики и власти и др. Можно полагать, что одним из собственно психологических объяснений бурной информатизации, происходящей во всех сферах жизнедеятельности (ведь далеко не всегда человек так активно отвечает на объективные вызовы жизни) выступает имплицитное отождествление знания и информации. При чем такая синонимичность присутствует не только в обыденном сознании, но и у многих ученых, в том числе и популяризирующих научные знания [например, 1]. Однако указанное тождество все отчетливее начинает дифференцироваться. В аналитическом докладе ЮНЕСКО в качестве вполне реальной угрозы обозначается следующая: «Нельзя допустить, чтобы революция в сфере информационных технологий и коммуникации привела к тому, что, исходя из логики узко-технологического детерминизма и фатализма, рассматривалась бы как возможная лишь одна-единственная форма общества» [2, с. 19–20]. В этом же докладе определяются перспективы создания «общества знания “эры информации”», до которого человечеству еще предстоит пройти достаточно долгий и нелегкий путь. Важно также отметить, что в указанном докладе достаточно четко обосновываются различия между информацией и знаниями: «...информация – ...инструмент знания, сама по себе знанием она не является. Возникшая из желания обмениваться знаниями и делая более эффективной их передачу, информация остается формой знаний, точной и стабилизированной, индексированной по времени и пользователю» [2, с. 21].

Доминирующей областью информационной культуры сегодня становится медиакultura, особенностью которой выступает трансляция динамических образов, получаемых и передаваемых техническими средствами [3–5]. В российской науке данное понятие наиболее детально обосновывается Н. Б. Кириловой [6], которая разделяет позицию зарубежных ученых о медиакulture как интенсивном информационном потоке, прежде всего аудиовизуальном (ТВ, кино, видео, компьютерная графика, мобильная связь, Интернет и др.), выступающим средством освоения человеком окружающего его мира. Обобщая труды теоретиков, посвященных языку новых технических культур, Н. Б. Кирилова отмечает: «...если в письменной культуре основой знаковой системы выступает буква, слово, то в аудиовизуальной культуре “первокирпичиком” является кадр» [6, с. 65], имеющий три основные формы: фотографическая культура кадра – передача непосредственного впечатления от реального события; кинематографическая культура – использование кадра как «ячейки монтажа» (С. Эйзенштейн) для выявления смысла некоторого события; телевизионная культура – включение телезрителя в «поток событий». Основными свойствами кадра выступают его знаковая универсальность (т. е. использование в различных формах создания ин-

формации) и событийность, обеспечивающая сопричастность субъекта к воспринимаемой информации. Именно эти свойства кадра как культурного знака и определяют отличия медиакультуры от традиционной, классической культуры.

Необходимо отметить и еще одну особенность кадра, а именно суггестивность создаваемого его посредством образа, что приводит и к определенной инверсии восприятия, относительно которой П. Вирилио очень точно замечает: «Я уже не вижу плакат на стене... его изображение само на меня смотрит» [4, с. 112]. Наличие суггестивного влияния экрана (благодаря его мерцанию, особенно в темноте) указывает и Д. Гринфильд [7]. Благодаря преобладанию визуальной составляющей в информационном потоке «состоялось релятивистское слияние/смешение фактуального... и виртуального, “эффект реальности” возобладал над принципом реальности» [4, с. 108]. Именно об этом говорит и М. Кастельс как о технически созданной культуре виртуальной реальности: «Эта виртуальность и есть наша реальность» [8, с. 200]. Ж. Бодрийяр делает следующий смелый шаг в анализе. Он обосновывает позицию, идущую вразрез с существующей точкой зрения о медиа как о двигателе социализации, утверждая, что они порождают имплозию социального: «Все контенты смысла поглощаются единственной доминирующей формой медиа. Одни лишь медиасредства являются событием – безотносительно содержания, конформистского или субверсивного» [3]. Таким образом, указанное выше свойство событийности кадра можно подвергнуть определенному сомнению, поскольку благодаря постоянному техническому усовершенствованию и наращиванию плотности информационного потока сама бытийность для субъекта начинает трансформироваться.

Следует оговорить еще один принципиальный момент. Происходящие в информационном обществе изменения знаковой системы несомненны. Однако более точным представляется все-таки считать ведущей единицей знаковой системы медиакультуры образ, а не кадр по следующим причинам. Во-первых, термин «кадр» хорошо подчеркивает искусственность, сложную технологичность его производства, однако он «оставляет за скобками» самого субъекта (например, глядя на телеэкран, мы все-таки воспринимаем не смену кадров, а смену образов; тем более что и кадры как таковые быстро исчезают с развитием цифровых технологий [3]). Во-вторых, если говорить о слове (как о ведущем знаке традиционной, печатной культуры) и об образе (как об основном знаке медиакультуры), то их можно привести к общему знаменателю, каковым является их включенность в психическую организацию субъекта. Слово, как это доказано в многочисленных теоретико-эмпирических исследованиях Л. С. Выготского и представителей его школы, выступает основным опосредствующим средством, преобразующим натуральные психические функции в культурные [9; 10]. Образ также является составляющим восприятия, памяти, представлений, мышления, воображе-

ния, самосознания [11; 12 и др.]. И слово, и образ являются не только компонентами в структуре различных психических процессов, их объединяет также функция посредников между объективным и субъективным миром.

Итак, существующая информационная культура характеризуется плюрализмом, она предоставляет субъекту самые разнообразные источники информации, как печатные (от глянцевого журнала до объемных книг), так и электронные/цифровые (также представленные на разных носителях). Поэтому одной из задач психологического исследования выступает изучение пользователей в предпочтениях ими источников информации, ибо, обращаясь к терминологии Л. С. Выготского «врастание» в разные типы культур, оперирующих разными знаковыми системами, в итоге порождает и людей, имеющих разную психологическую структуру.

Организация исследования. Респондентами выступали взрослые люди в возрасте от 35 до 60 лет ($n = 200$; из них 128 женщин и 72 мужчин). Все имеют высшее образование и работают по специальности: педагоги, медики, инженеры, экономисты. Им предлагалось ответить на вопрос: «Вы пришли домой. У вас несколько часов абсолютно свободного времени, в которое есть только два варианта: либо что-нибудь почитать, либо включить телевизор/компьютер и что-нибудь посмотреть?». Содержание – что именно читать или смотреть – намеренно не озвучивалось, поскольку целью являлось выявление наиболее предпочитаемой знаковой информационной системы: вербальной или мультимодальной. Немногочисленные уточняющие вопросы участников можно рассматривать как достаточность подобной краткой инструкции, поскольку большинство было озвучено примерно следующим образом: «А если я включаю компьютер, чтобы посмотреть новости в Интернете?» (посмотреть, а не изучить, прочесть...). Респондентам предлагалось уточнить этот выбор в двух ситуациях разного психоэмоционального состояния: 1) вы в хорошем настроении, работоспособны, энергичны; 2) вы расстроены, чем-то подавлены, утомлены.

Подобная инструкция обоснована двумя основными положениями. Первое из них теоретически обосновано идеей Л. С. Выготского об орудии как средстве формирования высших психических функций, поскольку последователями ученого «фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т. д.). Между тем в отличие от некоторых современных методов формирования психических функций (алгоритмизация обучения, поэтапное формирование умственных действий) в экспериментальных исследованиях Выготского обращение к орудию и способ действия с ним не предписывались и тем более не являлись сколько-нибудь принудительными. Орудие рассматривалось Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности. В инициативе индивида, обращающегося или не обращающегося к орудию, в самом способе использования орудия сказывалась и отчетливо

выступала перед исследователем непосредственно ненормированная социумом активность» [13, с. 158–159]. Таким образом, выбор респондентом знака определенного типа является проявлением его самостоятельной активности, отражает его предпочтения в выборе как самой культуры, так и способа ее освоения. Второе положение имеет чисто эмпирический характер. Поскольку по роду профессиональной деятельности все участники исследования просто вынуждены и читать (писать) и работать за компьютером, то собственно личные предпочтения в знаковой системе (слова или медиаобраза) можно выявить только в свободной, досуговой деятельности.

Результаты и их обсуждение. Анализ данных анкетирования выявил, что из 200 опрошенных взрослых только 11 %, независимо от актуального психоэмоционального состояния, выбирают слово в качестве «своей» знаковой системы, т. е. являются «истинными» читателями. 39 % опрошенных всегда отдают предпочтение медиаустройствам и 50 % представляют собой смешанный тип, из которых предпочитают читать в негативном состоянии 16 %, а в позитивном 34 %.

Рассмотрим более детально особенности предпочтения знаковой системы у представителей смешанного типа ($n=100$). Результаты обработки представлены в таблице (уровень статистической достоверности критерия углового преобразования Фишера обозначен «звездочками»: «*» – $p \leq 0,05$; «***» – $p \leq 0,001$) (табл. 1).

Таблица 1

Выбор знаковой системы в зависимости от психоэмоционального состояния (в %)

Знаковая система	Состояние		φ
	Позитивное	Негативное	
Печатное слово	40	29	0,95
Медиаобраз	60	71	1,32
φ	1,97*	3,92***	

Анализ данных таблицы «по горизонтали» показывает, что слово чаще выбирается в позитивном состоянии, а мультимодальный образ – в негативном. Однако отсутствие статистически достоверных различий позволяет говорить о том, что это только некоторые тенденции, т. е. выбор ведущей знаковой системы уже фактически сделан. Анализ содержащихся в таблице результатов «по вертикали» демонстрирует, что независимо от актуального психоэмоционального состояния взрослые значимо отдают предпочтение медиаобразу. Выбор большинством представителей смешанного типа слова в качестве культурного орудия в позитивном психоэмоциональном состоянии можно считать обусловленным особенностями чтения как сложной деятельности, требующей для реализации от субъекта определенных усилий и самоорганизации.

Следует отметить, что полученные эмпирические данные явно не соответствуют параметрам нормального распределения и не отвечают «формуле одной трети», согласно которой примерно одна треть населения любит и умеет читать, другая треть делает это плохо и от случая к случаю, и, наконец, еще одна треть не читает фактически ничего [14; 15].

Если сопоставить чтение с просмотром (ТВ, Интернет-порталов и др.), то очевидно, что чтение выступает как специально организованная деятельность, основным итогом многолетнего освоения которой является формирование понятийного мышления, способность к абстрагированию, умение мыслить без картинок. Если, говоря словами Л. С. Выготского, «мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [9, с. 305], если большая степень осознанности письменной речи делает ее «мощным орудием уточнения и обработки мыслительного процесса» [10, с. 273], то это означает, что уменьшение объема в опыте субъекта письменного слова приводит и к уменьшению объема его мысли. Просмотр же так таковой деятельностью можно считать довольно условно, поскольку исходно это скорее не «взаимодействие субъекта с миром» [16, с. 191], а воздействие медиамира на субъекта. Очень простой и весомый аргумент, относящийся к генетическому плану анализа обсуждаемой деятельности, принадлежит медиаэкологу Н. Постману: «Для просмотра телевидения не требуется никакой подготовки, не требуется аналога букваря. Просмотр телевидения не требует никаких навыков и не вырабатывает никаких навыков. Именно поэтому нет такой вещи, как дополнительные занятия телевидением. И поэтому вы не смотрите телевидение сегодня лучше, чем 5 или 10 лет назад» [17]. А если не изменяется деятельность, то, соответственно, не изменяется и ее субъект.

Итоги данного исследования можно считать эмпирическим подтверждением справедливости тревожного прогноза французского философа П. Вирилио относительно перспектив интеллектуального развития человечества в условиях доминирования медиакультуры: «Служа сегодня выражением мажоритарной статистической мысли, основанной на базах данных, синтетическая образность станет вскоре последней, итоговой формой рассуждения» [4, с. 139]. Такой вывод вполне обоснован психологически: если в деятельности чтения создаются благоприятные условия для порождения мысли (а значит, и собственно знания как итога мышления), то просмотр с присущей ему высокой скоростью смены образов и их суггестивным характером, фактически не дает этой самой мысли шансов даже появиться (не говоря уже о том, чтобы оформиться), потому что для этого необходима как минимум остановка медиапотока.

Если кратко сравнить печатный текст и электронный гипертекст, то они являются хотя и родственными, но разными типами знаковых систем, взаимодействие с которыми, соответственно, имеет и разные психологические последствия для субъекта [18]. В отличие от традиционного текста гипертекст более образный по форме и менее логически последовательный по со-

держанию; дающий большее разнообразие информации, но рассеивающий внимание; обеспечивающий более высокую скорость восприятия материала, но не его сознательную переработку.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие основные заключения.

1. На основании свободного выбора субъектом предпочитаемой им знаковой системы (слово/медиаобраз) и способу действий, предписываемых определенной системой (чтение/просмотр), можно выделить несколько типов, определяемых их принадлежностью к разным видам информационной культуры: носитель культуры слова (или человек читающий), носитель культуры образа (или человек просматривающий) и смешанный тип.

2. Даже в исследованной выборке людей с высшим образованием, занятых в сфере интеллектуального труда, доля Homo legens (человек читающий) составляет только одну десятую, а более трети являются Homo assipers (человек просматривающий). При этом большинство представителей смешанного типа демонстрируют явную тенденцию к выбору мультимодального образа.

3. С учетом выявленных тенденций выбора просмотра медиаобразов даже в нерепрезентативной выборке, вполне обоснованно можно говорить о постановке проблемы «совершенения» мысли не посредством слова, а посредством медиаобраза как одной из фундаментальных психологических проблем ближайшего будущего.

Список использованных источников

1. *Найденев, В.* Человечество не выживет без производства знаний / В. Найденев, Б. Долгоносов // Независимая газета. – 2005. – 22 июня.
2. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: Юнеско, 2005. – 239 с.
3. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. – Режим доступа: http://royallib.com/book/bodriyyar_gan/simulyakri_i_simulyatsiya.html. – Дата доступа: 11.02.2013.
4. *Вирилио, П.* Машина зрения. / П. Вирилио; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2004. – 140 с.
5. Основы воздействия СМИ : пер. с англ. / М. Брайант [и др.]. – М.: Вильямс, 2004. – 225 с.
6. *Кирилова, Н. Б.* Медиакультура: теория, история, практика / Н. Б. Кирилова. – М.: Академ. проект: Культура, 2008. – 469 с.
7. *Greenfield, D.* Virtual addiction: Help for Netheads, cyberfreaks, and those who love them / D. Greenfield. – New Harbinger Publication, 1999. – 227 p.
8. *Кастельс, М.* Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
9. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский // Психология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 262–510.
10. *Лурия, А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
11. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
12. *Смирнов, С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М.: МГУ, 1985. – 231 с.

13. Петровский, А. В. Психология в России. XX век / А. В. Петровский. – М.: УРАО, 2000. – 312 с.

14. Гудков, Л. Д. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. – С. 166–202.

15. Сметанникова, Н. Н. Участь чтения / Н. Н. Сметанникова // Октябрь. – 2015. – № 3. – С. 140–146.

16. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

17. Постман, Н. ТВ формирует новый тип личности – взрослого ребенка : пер. с англ. [Электронный ресурс] / Н. Постман. – Режим доступа: http://media-ecology.blogspot.com.by/2011/02/blog-post_17.html. – Дата доступа: 18.12.2015.

18. Медведская, Е. И. Текст и гипертекст: психологические особенности чтения и читателей / Е. И. Медведская // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2016. – № 2. – Сер. 3: Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – С. 195–200.

(Дата подачи: 16.02.2017 г.)

С. А. Месникович

Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка», Минск

S. A. Mesnikovich

Belarusian state pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК 37.015.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЛЖИ В КОНТЕКСТЕ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF THE LIE IN THE CONTEXT OF EDUCATION OF STUDENTS

В статье осуществлён психологический анализ проблемы лжи. Рассмотрены основные компоненты, функции и причины исследуемого феномена. Обоснована актуальность изучения представлений о лжи в молодёжной среде. Приводятся результаты диагностики представлений студентов педагогического профиля обучения о лжи.

Ключевые слова: ложь; представления о лжи; причины лжи.

In article the psychological analysis of a problem of a lie is carried out. The main components, functions and the reasons of the studied phenomenon are considered. Relevance of studying of ideas of a lie among young people is proved. Results of diagnostics of ideas of students of a pedagogical profile of training of a lie are given.

Key words: lie; ideas of a lie; lie reasons.

Современные общественные условия предъявляют особые требования к личностному развитию обучающихся в высшей школе. Будущие специалисты должны обладать не только высоким уровнем профессиональных знаний и навыков, но и демонстрировать осознанное отношение к различным сторонам социальной действительности. Представляя собой универсальную